

ТВОЙ КРЕСТ

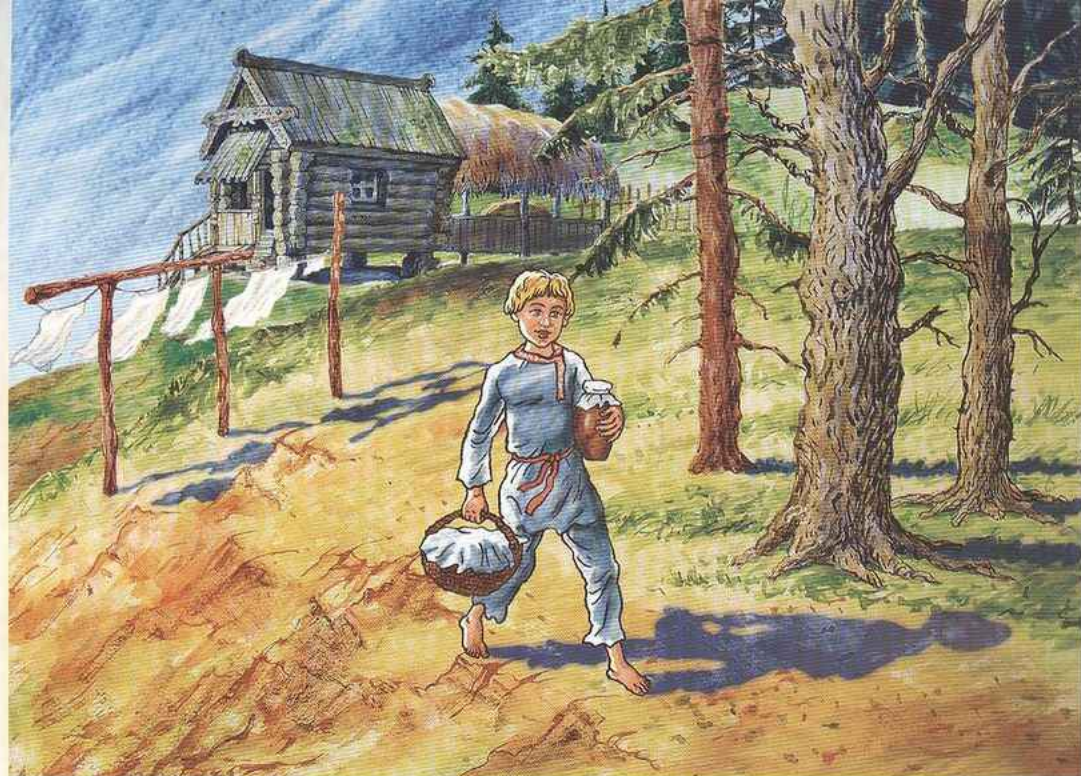

Давным-давно на Руси в одной деревне жил Крестьянин. Деревня бедная — два десятка изб да маленькая деревянная церковь во имя Святого Никиты-мученика. Неподалёку за рекой был большой и богатый город. Там возвышались белокаменные храмы, хоромы бояр и богатых торговых людей, пониже стояли приземистые, но крепкие дома скромнее — посадского люда. А в центре на холме блестели крытые медью крыши княжеского дворца.

Высокие крепостные стены охраняли не только горожан, но и расселившийся в окрестных деревнях простой люд: ремесленников, крестьян, рыболовов и охотников.

Наш Крестьянин жил на окраине деревни, у перелеска. За его домом простиралось поле. На нём и выращивался хлеб,

кормивший всю его семью: жену-хозяйку, маленького сынишку, лошадку, домашнюю птицу да рыжего кота.

Был один из последних весенних дней. Крестьянин трудился в поле. Управляя плугом, он дошёл до конца поля и двинулся назад уже по последней борозде. Борозда шла легко. «Назавтра можно начинать посев», — радовался землепашец...

Но вдруг издали, из города, глухо раздался удар набатного колокола. Оглянулся Крестьянин и обмер: за полем, в стороне соседнего села, чёрным столбом поднимался дым. Только хотел он броситься на помощь, как рядом пронеслась стрела! Нет, это не пожар! Ордынцы пришли опять на родную землю!

Отбросив плуг, Крестьянин вскочил на лошадь и помчался к дому. Во дворе, прижимая к груди иконы, ждали его жена и сын. Крестьянин забросил в телегу мешок с зерном и усадил на неё свою семью. Крестьянская повозка поспешила

к городу. Они едва успели укрыться за городскими воротами, как на город вороньём налетели вражеские всадники.

Но на этот раз большая беда миновала. Отряд нападавших был небольшой. Ордынцы не стали осаждать город, не успев прорваться в ворота. Они скрылись, ограбив и разорив окрестные сёла.

Крестьянин вернулся в разбитый дом. Погоревал день-два, а затем вышел в поле сеять пшеницу. Слава Богу, что удалось сохранить хоть один мешок зерна.

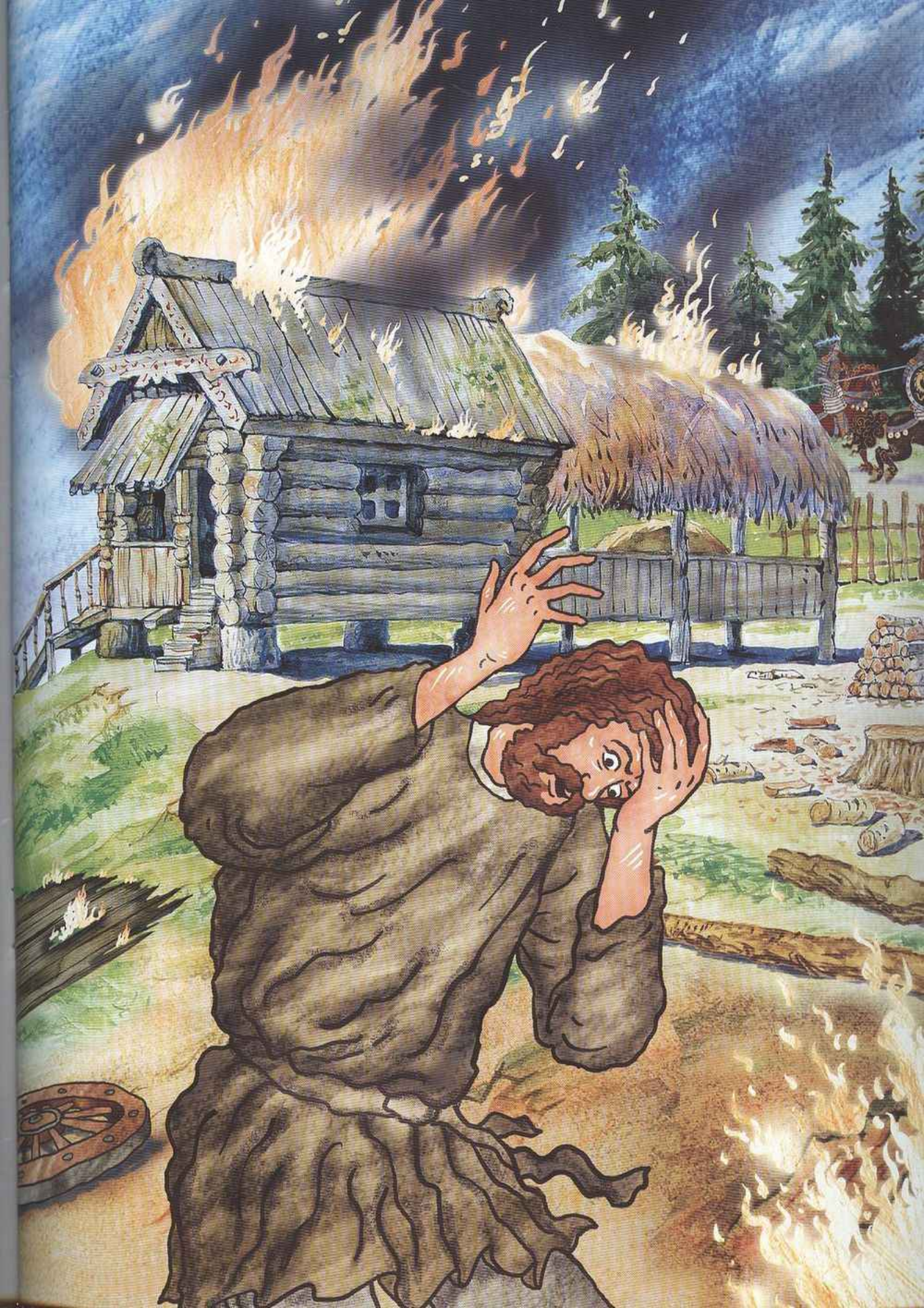
— Опять до осени будем голодать, — сокрушённо сказал он жене.

Тяжела крестьянская доля. Работа от зари до зари, и под палящим солнцем, и в дождь, а весной и осенью так в поле и ночуешь! Сынок обед прямо на пашню носит. В это время для работы и дня светлого не хватает. А если хлеб град побьёт или засуха нагрянет?! Но страшнее — ордынцы-басурмане. Тут уже не хлеб спасать надо, а жизнь. Только на Господа и надейся!

Но с Божьей помощью к осени хозяйство вновь наладилось — дом поправили, хлеб созрел. Стоит Крестьянин, гладит рукой длинные спелые колосья пшеницы, душа его радуется: «Урожай славный, поболее, чем в прошлом году, уродился. Ещё пару дней, и надо будет на жатву выходить».

Но что это! Опять колокол бьёт набатный! Снова орда пришла! Татары, как волчья стая, родное село окружают. В ужасе побежал Крестьянин через лес напрямик домой.

Не помня себя, добежал он до дома. Сломанные двери, окна настежь! Изба уже занималась огнём, когда Крестьянин вбежал в горницу. Пусто! Кинулся в сарай — пусто! Ни жены с сыном, ни коня. Кот и тот сгинул. Неужели всех в плен взяли?! Крестьянин упал на колени и, вознеся руки к небу, возопил:

— Господи! За что?! Нету сил больше терпеть! Пятый год одно разорение. Смерть и голод вокруг. От страха тени своей боюсь! Не могу я нести крест свой, тяжёл он мне, Господи! Зачем мне такой, дай другой, легче! — и упал с рыданием на землю.

Неожиданно все затихло: ни гула огня, ни треска горящих поленьев, ни топота ордынских коней, — тишина! Лишь лёгким ветром повеяло на Крестьянина. Он поднял голову. Его окружал цветущий, благоуханный яблоневый сад. Застыл Крестьянин в изумлении и увидел в исходящем с неба свете Ангела в багряных одеждах. От лика Его исходило неведомое ему доселе сияние, и уже в страхе Божьем припал Крестьянин к земле. Боится глаза на Ангела обратить. Но Ангел произнёс:

— Господь услышал твою мольбу!

И только прозвучали слова эти, как в мгновение ока оказались они у огромной пещеры, заполненной великим множеством крестов всех размеров и форм.

— Выбирай себе новый крест, — промолвил Ангел и оставил Крестьянина одного.

В робости Крестьянин потоптался на месте, но вскоре любопытство победило его смятение и он переступил порог пещеры.

Везде, куда падал взгляд, лежали, стояли на земле, висели на стенах и в воздухе кресты. Большие алтарные кресты, выше человеческого роста, и маленькие нательные, умещавшиеся на мизинце руки. Созданы они были из металла и камня, дерева и янтаря, стекла и даже цветов.

Золотые и серебряные, украшенные эмалью и драгоценными камнями, так и притягивали взор роскошью и изяществом. А рядом располагались совсем неприметные кресты, порой даже грубо вырубленные, из камня и дерева.

Подошёл Крестьянин к одному из золотых крестов, так и светившемуся в полумраке пещеры, и решил поднять его. Но сколько ни старался, не смог его даже с места сдвинуть. Невдалеке на камне лежал другой — серебряный крест. С виду он был намного меньше золотого, и Крестьянин устремился к нему. Но и этот крест оказался неподъёмным для него. Обессилев, Крестьянин сел на камень и взмолился: «Господи, вразуми! Кресты с виду такие лёгкие, а поднять их не могу!»

И вновь предстал перед ним Ангел и сказал: «Открою тебе, что это за кресты, которые ты пытался примерить на себя. Золотой, который тебе виделся таким красивым и лёгким, — это царский крест. Ты ведь думаешь, как хорошо и легко быть Царём. А того не полагаешь, что царская власть — один из самых тяжёлых человеческих крестов. Ведь за скольких подданных, за весь свой народ, Царь в ответе перед Господом нашим! И серебряный крест, хотя бы он и был меньше — тяжёл неимоверно, так как это крест всех тех, кто властью облечён, — это крест и ближайших слуг царёвых. У всех у них как забот много, так и искушений и скорбей немало. Иди и смотри далее! Со смирением!»

... Впереди в земле виднелся крест. Крест этот был хотя и железный, но изукрашенный тонкой работой. Исходила от креста притягательная сила. Крестьянин взял его — крест подался из земли, но оказался рукоятью меча княжеского. Так и лёг он в сильную натруженную крестьянскую ладонь. Понравился меч хлебопашцу, привыкшему к железу плуга, и стал он всматриваться и примерять его. Но из меча вспыхнуло вдруг пламя, осветив всё вокруг грозным отблеском, и раздался гул множества голосов, свист стрел и топот коней. И в отсвете предстал перед взором Крестьянина

белокаменный русский город, охваченный огнём. Враги-ордынцы вплотную обступили его стены. Сверху жители в них камнями мечут, из луков и самострелов стреляют. Но врагов многие и многие тысячи.

Вот на город, словно дождь, полетели бесчисленные стрелы. Многие христиане, защищавшие город, уязвленные, пали. Горестно было смотреть, как чудные церкви, красота города, теперь, зажжённые горящими стрелами, исчезали в пламени.

А враги уже лестницы приготовили, чтобы на стены лезть, и только льющийся кипяток да смола обжигающая сдержали их на этот раз. Отошли басурмане от стен, но снова приступить готовятся. И так три дня уже бьются христиане. А в этот, четвёртый, день ворота городские раскрылись и выехала дружина во главе с Князем.

Зазвучали трубы боевые и зашумели стяги цветные, святыми образами расшитые. Богатыри русские, в боях испытанные, стоят стеной кольчужной. Кони под ними борзые, доспехи стальные переливаются, будто вода в речке струится. Щиты червлёные и мечи булатные мерцают, а шлемы островерхие золочёные на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся.

И сказали воины друг другу: «Поспешим, брате, навстречу безбожным язычникам, и не отвратим лица своего от натиска их, а если, брате, и смерть нам суждена, то для нас это не смерть, а жизнь вечная! Умрём за землю русскую и за веру христианскую!»

Тогда Князь, взяв копьё длинное, выехал на холм супротив воеводы языческого на единоборство. Ордынец же злой, силою своей гордящийся, будто лев ревёт, будто неуголимая

гадюка злобой дышит. На холм въехал и копьём играет — утрашить Князя хочет. Разошлись они и съехались! И ударились копьями, едва земля под ними не проломилась. И свалился с коня ордынец злой прямо в огонь и сгинул.

Но после этого сошлись грозно обе силы великие, беспощадно сражаясь, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами погибая. А над полем кровавые зори поднимались, и вспыхивали в них синие молнии, и сверкали доспехи золочёные, и рубили воины русские мечами булатными головы басурманские.

Час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твёрдо бьются христиане с ордынцами. И до тех пор рубились они, пока руки и плечи не ослабели и не обессилели. Мечи уже не рубили — лезвия их притупились. Когда же настал седьмой час дня, начали нехристи одолевать. Русские полки поределели — уже мало их — вокруг всё враги. Вот уже из знатных мужей все перебиты, богатыри и воеводы, и удалые люди, раненные, падают под конские копыта.

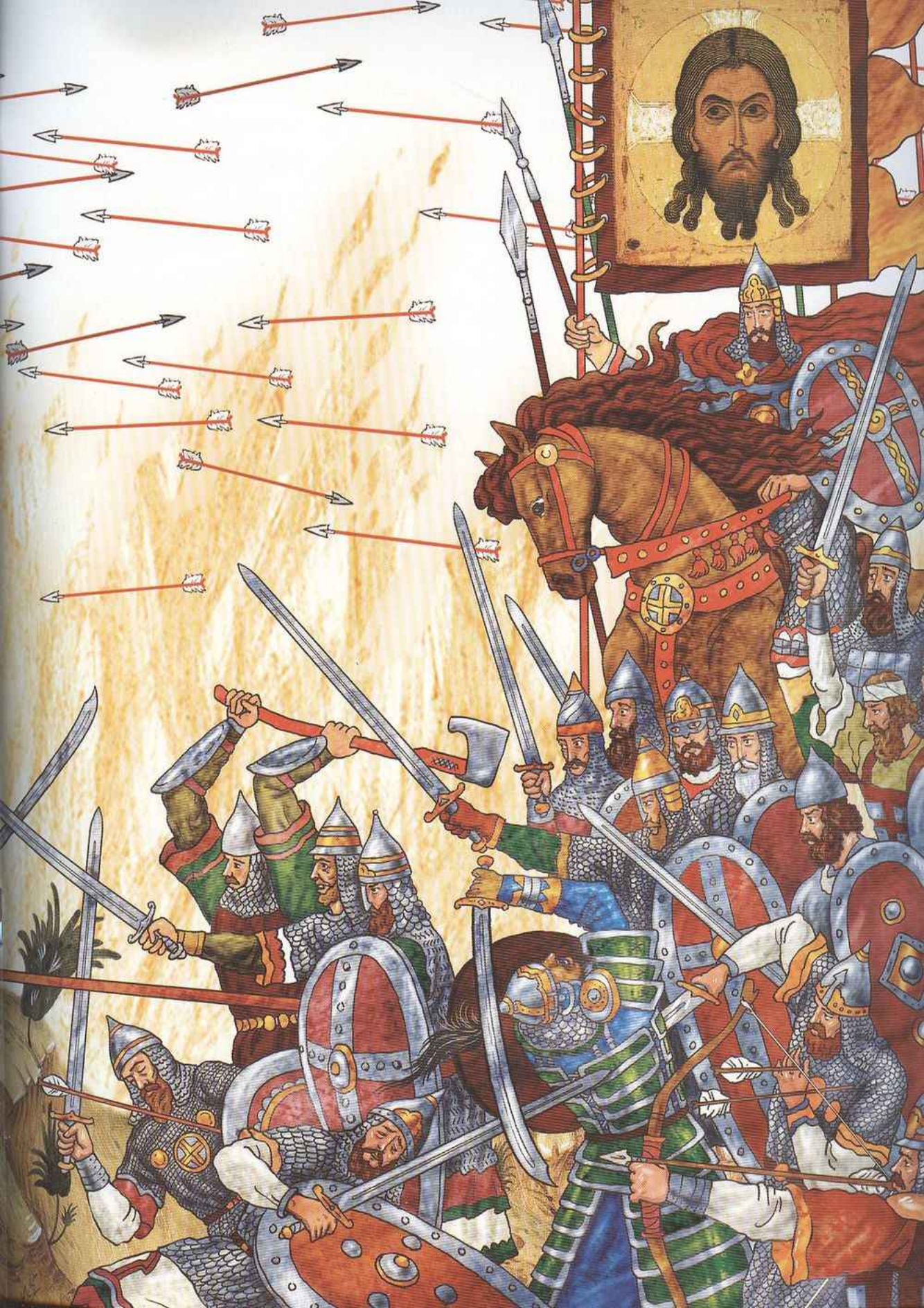
Посмотрел Князь с холма вокруг. Страшно было видеть бесчисленное множество павших воинов русских. И сказал Князь: «Братья! Судил вам Господь такую смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и святую матушку Русь. Помолитесь за меня, чтобы вместе с вами мне у Господа быть». И, поцеловав свой крест нательный, в котором находился кусочек живоносного древа, воскликнул: «На тебя надеюсь, Животворящий Господень Крест. Ибо не могут нечестивые Твоему образу противостоять; так, Господи, покажи милость Свою на рабе Твоем!»

И небо в тучах багряных вдруг разверзлось, открылось яркое свечение, в котором возник Крест Христов! Перекрестившись, взяв свой меч в правую руку, бросился Князь

с вершины холма в пучину войска ордынского для последней битвы.

Много врагов пало от меча его, среди них — предводитель басурманский! Не смогли ордынцы Князя мечами одолеть, но, окружив, копьями достали его. И подняли его на копьях, на которых он, словно распятый, предал дух свой Господу. А свет от Креста явленного ещё ярче возжёгся, да такой обжигающий, что поверг в ужас ордынцев. Бросились они бежать, призывая богов своих, но не было им помощи, ибо сила Святого Духа, точно огонь, ожигала. Свет залил всё пространство и погас...

КРЕСТЬЯНИН в оцепенении стоит в той же пещере, держа в руках железный крест-меч. Потрясённый увиденным, он роняет его и, птясь, машет руками: «Да где мне!.. Да как я!.. Не по мне это! Прости, Господи! На что посягнул...»

Придя в себя от увиденного, Крестьянин осторожно пошёл в глубь пещеры. Теперь он старался рассматривать кресты уже смиренно.

Вскоре он обратил внимание на небольшой камень с грубо выдолбленным на нём крестом. Чем дольше Крестьянин всматривался в него, тем более крест притягивал его, и пространство вокруг него всё более и более расступалось, пока Крестьянин не оказался внутри камня, перед небольшой пещерой с маленьким низким входом.

Почти согнувшись, Крестьянин вошёл в пещеру, и когда глаза привыкли к полумраку, увидел освещённую лампадкой икону Пресвятой Богородицы. Перед ней на камне, как на аналое, лежало Евангелие, которое читал коленопреклонённый старец-Монах. Тишину нарушал лишь звук капающей

воды, которая образовала в центре пещеры небольшое озерцо. Глиняный кувшин и чаша — вот и вся обстановка. Крестьянин, боясь нарушить уединение Монаха, отступил, скрывшись в тень.

Внезапно возник шум, и появилась туча мелких бесов, которые, словно назойливые мухи, начали кружить вокруг старца. В лапах у них были всевозможные лакомства: жареное мясо, подносы с фруктами, разнообразные сладости, кувшины с вином. От яств исходил обольстительный запах, круживший голову и дурманивший разум. Бесы страшно шумели, гадко хихикали, пронося блюда прямо перед лицом подвижника, облизываясь и сладко причмокивая, шипели: «Всего лишь кусочек... Прямо тает во рту. Никто не увидит, не узнает... Так вкусно! А вино! Что за прелесть это вино... Ах!» И, брезгливо опрокидывая кувшин с водой, льют вино

в глиняную чашу, которая превращается в кубок. Но Монах, погружённый в молитву, не отрываясь, крестит его. Кубок рассыпается, и в чаше — вновь чистая вода. Затем Монах осенил крестным знамением бесовское скопище, которое вспыхнуло огнём и с великим шумом и стонами упало в воду и исчезло. Лишь из воды вылезла отвратительная облезлая крыса и пробежала как ошпаренная мимо Крестьянина, забившегося в страхе в угол.

Монах продолжал читать и, когда яркая вспышка молнии осветила пещеру, из дымного серого облака появился бес в виде огромного огнедышащего змия и зашипел:

— Поклонись мне! И будешь ты в злате и тепле. И всё будет у тебя, что пожелаешь.

Но Монах лишь громче читает молитву.

А бес настойчивее:

— Научу тебя пророчествовать, и пойдёт о тебе великая слава, и все будут дивиться, как сбываются слова твои!

Но Монах ещё жарче молится.

А бес взъярился и прогремел:

— Не читай Святого Писания или умрёшь смертью страшной и мучительной!

Пот с лица Монаха ручьями льётся, но он лишь громче Евангелие читает:

— *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережёт её.*

Змий взмахнул перепончатым крылом, и в Монаха полетели стрелы. Но старец осенил себя крестом, и стрелы, миновав его, вонзились в каменную стену.

Бес в ярости бьёт хвостом о стену пещеры. Падают камни, пыль столбом. И летят опять стрелы в великом множестве в отшельника. Но вокруг старца полупрозрачной, но неуязвимой преградой встают крылья явившегося Ангела Божьего, и ядовитые стрелы опадают, как листья сухие.

Увидев это, бес льстиво припал к уху старца и сладко заговорил:

— Ты великий подвижник. Врата любой златоглавой лавры откроются перед тобой. Довольно гнить в затворе. Я могу в мгновение ока донести тебя в любое желанное место. Всё изменить сможешь. Царям советы давать будешь...

Отшельник тяжело поднимается с колен и со словами *Во имя Отца и Сына и Святого Духа* осеняет крестным знамением беса. Дракон, изрыгнув огонь, от которого всю пещеру заволокло смрадным дымом, превращается в маленькую змейку и скрывается в расщелине стены. Крестянин, с криком выбежав из пещеры и трясаясь от страха,

сел на камень у входа в пещеру, из которой всё ещё шёл серый дым.

Мгновение спустя Крестьянин увидел двух путников с охапками дров.

— Про этого отшельника говорят, что он великий постник. Пьёт только воду и ест смоквы, — указывая с благоговением на пещеру, проговорил один из них, постарше.

— Похоже, врут! — рассмеялся второй, с виду совсем ещё мальчик, — смотри, какой дым валит из пещеры. Небось, жарит сейчас баранью ножку да вина наливает...

И только хотел наш Крестьянин усовестить юношу, как тот, заглядевшись на дым из пещеры, споткнулся о камень и уронил охапку дров в пропасть. Его спутник, сокрушаясь, покачал головой и, перекрестившись на пещеру,

промолвил: «Похоже, не врут!» и, пособя юноше подняться, повёл его далее.

Крестьянин уже начал подумывать, как бы вернуться в пещеру к Монаху, но тот сам вышел с кувшином воды полить смокву. Дерево выросло здесь чудом, вокруг были лишь камни и песок, но, кроме этого, над ним возвышалась скала, которая не только закрывала солнечный свет, но, казалось, вот-вот рухнет, погребя под собой всё вокруг.

Разглядывая скалу, Крестьянин вдруг заметил в одной из её расщелин змейку, ту самую! И, оцепенев от страха, увидел, как она обращается вновь в змия, который, налившись злостью и яростью, ударил хвостом о подножие скалы.

Скала вздрогнула и, оторвавшись от основания, бесшумно полетела прямо на Монаха и Крестьянина. Вот уж чёрная тень накрыла всё вокруг. Увидев несущуюся прямо на него скалу, старец перекрестил глыбу и промолвил: «Господи, помилуй!»

В страшном грохоте скала рассыпалась на мелкие камешки, которые лавиной покатались мимо пещеры в пропасть, унося дико воющего беса. Монах же продолжил спокойно поливать смокву.

Крестьянин, не найдя сил подняться, уронил голову на руки и заплакал. Когда он поднял глаза, то вновь был в пещере с крестами. А прямо под его ногами лежал деревянный крестик на домотканой шерстяной нитке.

Крестьянин с умилением поднял его: «Такой лёгкий и радостный!» И, увидев появившегося Ангела, протянул к нему руки и проговорил сквозь слёзы:

— Лёгкий, как пушинка. Господи! Этот крест хочу. Разрешу взять его?

Божий Вестник, положив руку на плечо Крестьянину, ласково сказал:

— Хорошо! Да будет так! Но только знай: это и был твой прежний крест.

Крестьянин замер в удивлении, а Ангел взмахнул рукой, и в пещере пошёл снег, заполняя собой всё вокруг.

Когда снежная стена рассеялась, Крестьянин оказался в родной деревне у реки, проносившей мимо весенний лёд. По берегу с весёлым переливом смеха бегут мальчишки запускать самодельные кораблики, и среди них — сын Крестьянина Алёшка. Но смех вдруг прервался, когда он, желая отпустить ладью в большую воду, прыгнул на лёд. Лыдина треснула и откололась, и мальчик стал удаляться в потоки весенних вод. Ребята вокруг застыли, Крестьянин, пытаясь

догнать сына, прыгнул на одну, затем на другую льдину. А лёд под ним трескается и уходит из под ног... ещё одна льдина, следующая — ломается и становится всё меньше. У ног быстро сужается кольцо воды. Сердце сжало тисками страха. На мосту люди что-то кричат, тянут руки и шесты... Ещё одна льдина. Наконец Крестьянин настигает уже совсем маленький осколок льда, на котором хватает ребёнка и из последних сил бросает на мост, где его подхватывает множество рук. Раздаётся треск, льдина ударяется об опору моста и раскалывается. Перед глазами Крестьянина страшной лавиной поднимается вода, и он погружается во мрак...

Темнота расступается. Крестьянин в пещере. Спустя мгновение он, осознав всё, с плачем падает на колени.

— Да будет воля Твоя, Господи! — только и может проговорить он.

В это мгновение пещера с крестами исчезает и Крестьянин оказывается перед своим домом после набега ордынцев.

С горечью оглядывая разбросанную и разбитую утварь, он услышал шорох в кустах, откуда затем показалась рыжая мордочка кота. Оттуда же выбежал сынок, бросившийся на шею отца, вышла и жена. Но издалека вновь раздаётся конское ржание. Они со страхом оглянулись, но при виде коня у всех отлегло от сердца. В воротах стоял их Вороной, и, несмотря на то, что на нём было яркое басурманское седло с притороченным ордынским щитом, конь был свободен.

Прошло время. Горе разрухи стало забываться. К счастью, не весь хлеб сгорел, и к излёту зимы жизнь стала опять налаживаться.

В деревне весну всегда встречают радостно. После зимних ночей и стужи хорошо греться под солнечными лучами и подставлять лицо весеннему ветру. Текут ручьи, бурным потоком вливающиеся в реку, по которой с грохотом плывут льдины. Вся деревня высыпала на берег смотреть это зрелище. Среди них стайками и детишки носятся, но Алёшке-сынку строго-настроено наказали: к реке ни шагу. Вон стоит с матерью за руку — плачет. В руке кораблик самодельный держит.

Вдруг один из сорванцов, выхватив у него кораблик, побежал к реке и прыгнул на лёд. Крестьянин наш замер в страхе. Льдина треснула и откололась от берега. Он бросился к реке, но в нерешительности отступил от берега. Обернулся — видит, жена заволновалась. Одной рукой прижимает к себе Алёшу, а другую протянула к нему, удержать пыталась... На лице её крик немой застыл.

Замешкался Крестьянин, но, осенив себя крестным знаменем, прошептал:

— Да будет воля Твоя! — и прыгнул на проплывающую льдину. Одна... другая... льдины ломаются, переворачиваются. Люди на мосту кричат, тянут руки и длинные шесты, пытаясь остановить льдину. Но вот Крестьянин настигает мальчика и что есть сил бросает его на мост. Люди ловят ребёнка в тот самый момент, когда льдина разбивается об опору моста вдребезги и Крестьянин исчезает под водой.

Все замерли. Спасённый парнишка, ещё не понимая, что произошло, улыбается. Мгновение — и раздался крик женщин: «Утонул!» Мужики бросились с шестами — воду бередить.

Никого. Пусто. Жена заплакала. Мужики шапки сняли. Только один из них не стоял на месте, а пошёл за мост и там шестом бередил воду. Не знал никто, что повёл его туда Ангел и указал место, где всплывёт Крестьянин.

— Вот он! — радостно закричал спасатель, — сюда, ко мне! Помогай, мужики!

Все бросились к перилам, а Ангел, отпустив шест, отошёл.

— Живой! — покатился радостный гул по берегу, когда Крестьянин показался над водой...

— Вроде живой, — сказал робко Крестьянин, на шее которого висел тот самый деревянный крест на красной шерстяной нити.

— Живой! — сказал, улыбаясь, Ангел и, взмахнув крыльями, растаял в голубом небе.

